

Константин КУПРИЯНОВ

Константин Куприянов родился в 1988 году в Москве. Окончил Всероссийскую академию внешней торговли по специальности «Международное право», семь лет работал юристом в коммерческих компаниях. Выпускник ВЛК при Литературном институте им. А.М. Горького. Публиковался в журналах «Нева», «Знамя», «Октябрь» и др. Лауреат премии журнала «Знамя» (2017), премии им. Марка Алданова (2017), премии «Лицей» (2018). Предыдущая публикация в «Волге» – повесть «Толя Швейн и Святой» (2017, № 9-10).

ЖИВИ ВЕЧНО!

Рассказ

«Ранним утром он возвращался в приподнятом настроении. Северное лето в зените – по земле растеклась малоподвижная белизна, в ней вздрагивали от тревожных видений животные и птицы. Мир дремал под многократно искажённым восходом, который не восстал ещё над равниной, но блеклый, остановившийся с вечера свет разгорался, завладевал холодным воздухом и снами.

Всё сложилось. Он узнал своё будущее и пропустил через себя ощущение предназначения, для поисков которого рождён мужчина. Хотя он шагал обыкновенным своим маршрутом – известен каждый придорожный камушек, рекламная вывеска, автобусная остановка, деревце и цветок на газоне – несмотря на это, движения его были осторожнее обычного, ведь ему чудилось, что он несёт хрупкое знание, которое ещё не окрепло в речи и его может развеять зевок ветра. Он не знал другого способа превратить это в твёрдость, как рассказать жене.

Двор их дома был огромным колодцем, и утреннего света сюда поступало немного. Солнце не заглянет через четыре крыши и не упадёт вертикальным взглядом на поверхности машин, детскую площадку, узкую аллею, по которой он теперь шагает, выкуривая последнюю сигарету, пока не наступит ясный полдень.

Что-то таинственное мерещилось в этой остолбеневшей утренней жизни, которая по часам ещё остаётся самой натуральной ночью, однако свет обнажил её... Как если бы жена вдруг очнулась под белой глазницей машины, пока учёные внимательно записывают её сновидение и замирают, когда жертва безразумно просыпается – сознание спит, расщеплённое ядами, – она слепо оглядывает лица, освещённые зелёными лампами, искажённые злобным ненасытным любопытством; обводит их изумлённым, пустым взором, не отлупиши от сумеречных образов, и вновь проваливается в забытие, чтобы никогда не вспомнить этой минуты, но сон её перестает быть безопасным, ведь всюду вокруг, оказывается, свет, а в голове – мгла.

Жена не спала.

Перед тем, как заметить, он долго возился с дверью, снимал обувь, верхнюю одежду в коридоре, на цыпочках входил, старался не слишком громко хрустнуть замком изнутри, чтобы никто чужой не вполз в квартиру, где теперь до самого настоящего утра просидит, распивая чай-кофе, думая о дыхании великого будущего, которое выбрало его... Будет стеречь её сон, а часов в семь, когда утро придёт по-настоящему, – когда начнёт пробуждаться город и примутся затопливать печи заводов работяги, завязывать галстуки служители казённых домов, готовиться сесть за привычную рутину клерки корпораций – разбудит, чтобы её белый северный день начался с любви...

Мечта наполнила его горьким навязчивым предвкушением. Несмотря на то, что он умывался холодной водой, в паху стала накаляться петличка желания.

...И утренняя тишина будет наливать её, – думал он, тщательно отмывая руки, потом закатывая рукава, намыливая запястья... – превратит к семи утра в передавленное болезненное желание, которое через тело перекинется на жену как самая подлинная, какую только он умеет дать, страсть; и они станут – он замер перед своим лицом в отражении, на котором была начертана предопределённость смерти, – долго, неутомимо любить друг друга. Отражение закончило фразу вместо него.

Только теперь, выйдя на порог ванной, он обнаружил, что все эти минуты – жена не спала.

Серым неподвижным комочком, одетая в его позавчерашнюю рубашку, сидела на стуле, подобрав ноги под себя, посередине кухни, в равном отдалении от стола, подоконника, кухонного гарнитура. Подняла на него, когда подошёл, глаза цвета тинистой воды, настоявшейся за ночь до горького речного яда.

Ничего не сказала, но на секунду её лицо смягчилось, узнавание осветило его; полуулыбкой она спросила: “Испугался?” Он качнул головой, замер над ней.

Улыбка погасла, и она смотрела заворуженно – заворуживая ответным кукольным, пустым на поверхности, но бездонным, если думать, что знаешь её...

Гадал: утро выволокло её из постели, бросило перед восходом на стул и заставило глядеть в невнятную туманную рябь неба?.. Которая в одни минуты светлела, а в другие – когда солнце проглатывало потоки дыма, рвущиеся из соседнего городка, где производства никогда не молчат, – превращалась в непроглядную пелену; так что пока его мариновали в недрах проектного бункера, серость ртутным паром травила разум жены... Сначала сделала его мягким и пластичным, мысли преобразила в жвачку, отчего перед её глазами полыхнула незамутнённая красота природного мира, и жена стала опять почти ребёнком, но, разумеется, лишь на миг, ведь зло уже много лет как отравило её и мою внутренность... А когда пройдёт время, газ вовсе отключит в ней всякую способность думать, познавать и, наконец, даже ждать меня обратно... – так я и превращусь в ясную неизбежность, как приход и кончина солнца – так и сотрётся питающее нас незнание.

Вздрогнул, когда представил её отравленное жадным севером будущее: идеально красивая кукла, высеченная из самой белой человеческой материи, худенькая, но с ранних лет покрываемая фарфоровым отблеском; её икры, ягодичы выстрадааны долгими беспощадными тренировками, кубики пресса отливают гордой бронзой – доказательства непреклонности духа и упрямой тяги к совершенству. Он представил её будущее атлетичное тело и как оно однажды окаменеет, как его просветят хитросплетения любопытных молчаливых лучей – представил, как под совершенную летнюю тишину станет через много лет будить её по окончании долгого эксперимента, и она не узнает его... вдруг день, в приходе которого он не сомневался, – сегодня, и настал черёд его амбициозной голове опуститься в человеческий ад?..

Жена повела зрачками, что-то треснуло в прохладном неподвижном воздухе между ними. Ударил следующая секунда, жена потянулась к нему – буквально взяла за запястье в том месте, которое обычно схвачено часами – и нежно поцеловала кожу его руки с тем же застывшим немим изумлением на лице, обращённым снизу вверх. Он почувствовал, как желание быстро охватывает его, вспомнил, что сорок часов минуло с тех пор, как он встал от любви прошлым утром и ушёл на работу. Вспомнил, как искалечил руку много лет назад и как невозможно было поверить, что вновь она будет слушаться, а кто-то – любить её.

– Как на работе? – спросила она, легко вставая и направляясь к чайнику. – Тебя очень долго не было. У Никифорова жена тоже звонила – говорит, он вчера не вернулся и даже не написал.

Наполнив заварочный мешочек листьями чая, через плечо вопросительно смотрела на него. Он улыбнулся, как улыбаются люди, чей великий труд временно приостановлен, и усталость соединяется в них с заслуженным самодовольством.

– Всё хорошо. Сейчас расскажу.

Опустился на стул, который только что занимала она. Но дерево плохо держит тепло, а это был деревянный стульчик, ребристый и хрупкий, так что он не просидел на нём долго, не впитал толком её след. Почти сразу нервно поднялся, причём сам почувствовал, что встаёт как бы неравномерно: дух рванулся прежде тела, а тело рассоединилось: стало состоять из элементов; и вот уже руки давно мнут тело жены – он так ждал его!.. Там, в тёмном заточении и безвестии; и наконец-то она стоит, мучная куколка, склонив голову, так чтобы ему доставался запах её затылка, смотрит на голую стену без ужаса, но открытая к боли...

Вдруг куснула его.

Как хитрый хищный зверёк извернулась и достала его руку; и когда он вскрикнул, метнулась прочь с восторженной улыбкой в угол кухни. Поправила волосы, запахла рубашку, скрыв грудь и живот от него, но не застёгивая, будто приглашая пробовать снова – побежать за россыпью кремовых родинок на белой упругости, попытать удачи собрать их в чёрный, как запёкшаяся кровь, комочек. Однако он удивлённо смотрел на укус, появившейся на локтевой стороне кисти: как от кожи сначала отлила кровь, на миг побелела, потом из неё проступили алые капли.

– Ничего себе.

Время снова пошло по-обычному медленно. Жена пугливо приблизилась к нему. Рубашка оказалась застёгнута, она наклонилась прикоснуться губами к ране, которую нанесла, и, помедлив секунду, будто распробовав железо, проглотила маленькую каплю крови. Взгляд её выражал покорность и отрицание всякой вины.

Чайник вскипел. Её губы раскрылись так близко, что он слышал теребящий волосы выдох. Он думал, что сейчас схватит жену, но вместо этого стоял, замороженный кровью.

Разлив чай по стаканам, она подвинула стул из середины комнаты к столу и первой села, опять подобрала ноги.

К тиканью комнатных часов прибавились прихлёбывающие звуки – что-то вечернее... Но он и должен был вернуться вечером. Вдруг представил, как в пустоте жена просидела все эти часы, голодная и утомимая, весенняя кошечка, и приятное сонливое ощущение дома запоздало тронуло его. Быстро, впрочем, улетучилось...

Все эти шесть лет он думал, что если разгадает её запах, если сумеет рассчитать, при каких условиях какие элементы заставляют работать его формулу, то уравнение будет взломано... Причём маячила надежда, что разгадать удастся и всех прошлых и всех возможных будущих женщин.

Ключа к её кисло-солончатому, молочно-кремовому, дынно-яблоневому шлейфу не существовало. Она смотрела исподлобья, угол стола разделял их тело, колени жены медленно расходились навстречу ему...

– Так что случилось? – спросила жена. – Спасибо, что хоть написал, кстати...

– Ракету сдадут, не волнуйся, мы прошли проверку.

Лёгкое головокружение, хотя чай жёг горло, но, видимо, был не в силах восстановить сцепление сознания с реальностью, и чувство несуществования размешивало его, как сахар, по бездне... А перед глазами сидела влажная жена, будто утренняя роса выпала на серебряном теле, и он почувствовал, как во рту всё делается сухим и нужно её прикосновение, хоть мимолётное, чтобы выбраться из наслаивающегося лабиринта засыпания, но всё безнадежно, и проваливается снова, снова, снова...

– Та самая проверка?! Так рано?

– Да, они специально дали неверные даты...

– Поздравляю! – она хлопнула в ладоши, но никому это не понравилось: эхо слишком громко треснуло по спящей квартире.

Проснулась кошка, сорвалась с карниза птица – рухнула в розоватое облако на дне колодца. Во дворе чихнул метуций улицу человек низшей касты.

– Это не всё

– А что ещё?

– А ещё... барабанная дробь! За Никифоровым пришли. Да!.. – подтвердил он, увидев, как глаза жены делаются большими и разумный свет возвращается в них, хотя даже нет шестого часа и день в отдалении. – И не только, – поспешил сказать он. – За Хамишем тоже. Говорят, крупное дело. Оба сейчас уже арестованы. Все выходы были закрыты, вот мы и не вернулись вчера. Допрашивали всех старших. Я думал, тут пойдут слухи, и вы узнаете... Следующая смена должна была видеть.

– Нет, – пустым голосом ответила жена.

– Всех старших инженеров, всех из конструкторского отдела, всех в общем – попросили задержаться. «Задержимся», – а на деле арестовали без предъявления на тридцать часов. Всю ночь трясли наши компьютеры, базы данных. У них весь доступ был: секретка, совсекретка – Никифоров, похоже, такого не ожидал. Они менялись: днём одна группа, ночью вторая, а утром, то есть вчера утром, опять первая приходит и говорит: “Ну, а сейчас за работу, что вы стоите?” А мы, естественно, переглянулись: ладно, все уже полумёртвые, но “Как это за работу без Хамиша?” – спрашиваем. И тут меня отводит. Их Главный, полковник вроде. Он до этого всё время молчал с нами, только с телефона всё читал что-то и другим говорил, чего делать. Так вот, отвёл меня и говорит: “Ты давай не как попугай вопросы задавай за остальными, тем более глупые, а инициативу проявляй. У вас же проект на нынешний и тот год утверждён?” “Утверждён-то, понятное дело, но полный проект только у Хамиша и Никифорова”, – отвечаю. “Вы всё по циклам делаете, так?” – спрашивает. “Так-то так, но Хамиш ведь...” – возражаю. “Ты фамилию эту забудь и до допроса лучше её не говори больше”, – злится.

Он перестал рассказывать. Она коснулась лица, попыталась снять маску ужаса – напрасно – та намертво впилась в её щёки и брови и скулы и даже убавила фарфоровый блеск. Ни желания, ни нежелания не источало больше тело – теперь только любопытство держало её в сознании. Он с большим удивлением разглядывал метаморфозы. Тёмно-зелёный чай влил в радужку глаз жены маслянистый отсвет, напряжённую слепую силу.

Он протянул к её коленям руки, стал водить по её коже, потом добрался до сгибов ног.

Уже несколько минут она сидела по-турецки, а до этого дожидалась его под утренним окном, так же сидела, да может быть она и всю ночь сидела в одном положении, отчего пот обильно скопился на ногах с внутренних сторон сгибов, куда никому, кроме мужа, не добраться.

– Сколько ты не спала?

Он стал искать, куда бы можно было провалить пальцы, чтобы они вошли в неё глубоко, как в переспелую нектариновую мякоть, и вдруг фантазия поселилась в его сознании: что тело жены это не одно тело, а несколько сочленённых тел, ведь всегда, когда бы он ни находил её застывшей в медитации, или за чтением книжки, или за бесконечной перепиской через соцсеть – она вечно сидит в одинаковой позе – коленки её сладко согнуты, и из-под них, из этого места, которому, читал в отпуске, нету названия на русском языке, пахнет озорной прелой сладостью, и в ней столько голосов, что не верится, будто это одна девушка...

– Не помню, – сказала жена.

И весь этот пот – старый и новый – сегодняшнего и вчерашнего урожая – весь принадлежит ему, потому что она ждала его и никаких других причин сидеть тут у неё не было – а ждала потому, что так решило мудрое женское тело, в которое он старается

не вмешиваться и вообще никак особо не интересоваться его устройством, а всё отдать на откуп... потому что она знает, и докторша знает, и бабка из деревни знает – короче, женское тело – женская участь; это такая наука и конструкция, которую он понимать боится и не хочет и, может, даже самую малость брезгует, ведь это наиболее живое и открывшееся ему за всю жизнь, кроме, пожалуй, матери когда-то, очень давно, но то не считается, с тем он ничего поделывать не мог; а всё прочее в его жизни – это всегда чертежи и цифры, и компьютеры, и уравнения, и планы-графики, а потом, во взрослом мире – вечно сорванные сроки, нагнанные сроки – короче, только сроки, отчётность, инспекции, проверки, допросы, контроль и ложь... короче, всё что требуется, чтобы выжать из скудной северной земли что-либо ценное. А жена и пот жены – единственное живое, что у него было и есть.

– Что же ты не рассказываешь дальше?

Он всегда служил математике, пока как-то раз не пошёл за телом жены, не погнался за ним, с каждым рывком чувствуя, как новая молодость посещает его и как он догоняет самого себя, оставленного на пороге института, и он нагнал – себя молодого, умного, блестящего, но гаснущего, и юную её, способную на всё, остановившуюся, чтобы оглянуться, кто это там сопит в спину – ему стало смешно, когда он вспомнил...

А если серьёзно, то он и сейчас боится – он же полностью сделан из цифр, а не из вот этого всего... не из этих запахов и взглядов, полных то игривости, то загадочности, то смерти, то желания... вполне осознаёт, не дурак ведь, что её пот, и верхняя часть её кожи, и весь урожай, который он может рукой собрать из её волос и крика и намотать на кулак и засунуть себе в рот, чтоб хоть чем-то питаться вместо воздуха, пока она душит его и мурчит, выжимая из его глотки последний животный хрип, затягивая петлю до буквальной смерти, – так сильно душит его неистовая, молчаливая юная жена, как если бы ей хотелось выдавить его до последней капли.

Если счастье будет разгадано, то оно исчезнет! – подумал он и с тем проснулся. Они сидели на той же кухне, и время не двигалось, пока он спал наяву.

– Расскажи ещё.

Он с плохо скрываемым раздражением отступился и потушил себя и опять почувствовал, как разум преобладает над неразумом, и усмехнулся тёмной непослушной материи в себе, увлеченной живою девушкой.

Он нехотя отцепил от неё руки.

Кошка встала между стульями, найдя лазейку между ногами, сплетёнными, жадно подолгу прижимающимися друг к другу, принялась мяукать.

Жена встала и насыпала ей еды, но кошка мяукала, будто заведённая писклявая игрушка; не затыкалась, пока уже он не выдержал и не встал и не ткнул мордочку в пружинящее мясо; тогда животное озлобленно зашипело; вырвалась, куснула, исцарапала его, отпрянула.

– Ах ты!..

Жена была уже тут как тут. Снова она слизнула с руки кровь, его гнев потух в ней

Потом жена, вновь на стуле, протянула в сестринском жесте руки, взмахнула выющимися волосами, склонила шею, чтобы он глядел на неё, пока рассказывает:

– Потом полковник сказал, что будет комплексная общегородская проверка. Все цеха, все блоки... Потому что последние испытания, ну, ты знаешь. А я же с другого объекта. Так и намекнул мне, мол, мы вас знаем, помним... Выходит, мы тут не просто так, – он кивнул в окно, и оба поглядели на бетонную стену напротив их бетонной стены, по которой раз в день скатится солнечная слезинка, а больше не произойдёт ничего.

– Их всех отправят в Москву, – продолжал он.

В страхе жены появилось серо-чёрное, никак не связанное с ним. Узвлённый – он глядел, как это растекается по кухне; любопытно было протянуть в это руки и

попытаться понять, что и откуда; а пахло там иначе, чем пахнет обычно для него, – отчаянием и неутолимым желанием, которое он не накормит.

– На главбухе – вышла, наконец, жабка из башенки – лица не было. Просто белая пошла. Смотрела вниз. Всё поняла. Все они... заплатят. Никифорова и Хамиша запаковали там же и прям на вертолёт отправили в ставку. Может быть, они и сейчас летят, – жена будто зачарованная слушала рассказ и легонько качала головой, лёгкий сквознячок находил лазейку в запечатанную капсулу квартиры и колебал её ласковую нежную головку.

– Будут большие перестановки! Я поначалу ничего не понял, но сегодня... вчера вечером до меня стало доходить! Он оставит меня старшим контролёром, если я сейчас справлюсь. Я буду тем, кто... – он хотел воскликнуть, но вместо этого наклонился и урвал её тёплый поцелуй, но она отстранилась и дала жестом понять, что хочет, чтобы он рассказывал дальше. – Меня, скорее всего, поставят на место Никифорова. Ну, или в крайнем случае, зама Никифорова. Мне намекнул этот... полковник. Он знал меня – он только со мной говорил всё это время. Спрашивал моё мнение... Они собираются дать мне выпустить ракету.

Он замолчал. Ждал, как она ответит. Жена не спускала с него глаз. Постепенно страх погас в ней, она скользнула на его колени, он почувствовал, как наконец-то счастье высвобождается, чтобы соединить их. Стал говорить тише:

– Мы обсуждали, что полностью можно перестроить систему. То есть сейчас она дырявая. Я тебе объяснял. Никто ни за что не отвечает, и, по сути, всё упиралось в Хамиша. Как Хамиш скажет, так все и делают. Стоит ему уехать, сразу цех-один встаёт, цех-два выбивается из графика, а остальные просто начинают валять дурака. Особенно служба контроля. Эти вообще. Я сказал ему, что надо её всю менять.

– Службу контроля?

– Ну, да. Думаешь, почему именно Никифоров? Почему не Травин, не Гашевский?.. Нет, всё дело в контроле. Они теперь понимают, что без контроля ничего не собрать...

– Ох, – жена, откинувшись на нём, притронулась к животу и поморщилась.

Он сразу обнял её. Несколько секунд глядел на неё неподвижно, пока она вздыхала и выдыхала, будто восстанавливая сбившееся невидимое балансирующее устройство. Потом её дыхание сделалось обычным, глаза перевернулись и снова стали лучиться живой радостью, встретившись с его глазами.

– Нет-нет, я бы сказала, – смущённо сказала жена.

Как можно столько есть? Кошка почти сожрала содержимое миски, наполненной с запасом на будущий день.

– Если у меня будет такая должность, то мы сможем... – остановила его губы. Волосы выкрасились от пришедшей дымной серости в талое серебро.

Жена стала приподниматься и опускаться, сидя на нём, но он ничего не чувствовал. Ему хотелось целовать серебро, но на поверку оно оказывалось безвкусным, сухим. Волосами. Он просыпался. Жена по-прежнему двигалась. Засыпал.

Сегодня за окном пробуждался чистый золотой свет, а не отравившая их нерождённых детей смесь химических элементов и скудного северного песка, развеянного ветром по самым отдалённым городкам.

Главный контролёр. Не какой-то там лишаем покрытый Никифоров отпустит ракету в небо, а он!

Очнулся. Кошка давно вылизала всю миску и теперь отчаянно мяукала.

– Не ходи. Пусть сдохнет от своего мяуканья. Мне опять на смену. Следующие тридцать три месяца, и всё, ладно? Поедем куда хотим.

– Секретность... – ухо обжёг её страстный выдох.

– К чёрту – решу, – он поцеловал её, но сил было не много, и она скоро одолела его, повела его рот туда, куда было ей нужно, куснула губу. Снова во рту возник вкус крови, он сглотнул свою ярость.

– Теперь у меня есть предназначение, – беря её обеими руками за затылок и останавливая, сказал он.

– Уничтожить мир? Хорошенькое...

Он увидел не жену, а далёкую минуту, где ставит последнюю визу: “Согласовано” и отпускает грозное орудие смерти на поле боя, гарантирует будущему: если вы станете вести себя плохо, то вас прихлопнет это...

Он знал, что жена не любит дело, которое привело их в это место, к этому заводу, в одну из тысяч однотипных северных сот-микрорайонов. Но сейчас её взгляд излучал только усталость и нежность. Первые слова вышли из её груди хрипло, но остальные были ласковыми и мелодичными, как осколки песни:

– Всегда знала, что ты добьёшься, чего захочешь...

Из форточки стали доноситься звуки просыпающегося двора, загудело отдалённое шоссе, стал урчать один из цехов неподалёку. Она страстно оплела его рукой, та превратилась в змея. Она притянула его губы к своему горлу, чтоб он говорил в него, как будто хотела, чтобы голос попал в её шею через кожу и поцелуй и был там чем-то осязаемым.

– Шёл вот сейчас домой и думал, – говорил он, уткнувшись в её тело, вдыхая и выдыхая с её медленным дыханием в унисон, – что вот, это оно. Дело, ради которого я появился. Только я. Другой сделан для другого дела. А я для этого. И я это узнал. Это счастье же? Узнать, что что-нибудь тебе принадлежит. Или одни беды от этого?

Какая-то сила отстранила его от тела жены, заставила посмотреть в глаза. За поволокой усталости ничего не было. Он знал, в какой час каких суток, в какое время года и на каком свету меняются эти зрачки: как они глядят, когда жена смеётся, плачет, обижается, боится, умирает от удовольствия, или желания, или ярости. Кажется, он знал про эти глаза всё, купался в её взгляде, как в воде, никогда не опасался, что пойдёт ко дну или что хитроумная волна ударит его, опустит без сознания и, закрутив течением, свирепо уничтожит.

Хотя в них не было ничего особенного, и свет их был ровно таким, каким должен был быть в шесть утра, майским днём, когда солнца по северной земле разлито очень много и тьмы почти нигде нет, – он чувствовал нечто странное. Источником должна быть не она – не существовало ни одного видимого, доказуемого признака, что это связано с ней, – однако он продолжал смотреть безотрывно, понимая в ужасе, что это в ней, только в ней одной дело! Она что-то изнутри говорит ему, а он не в силах прочитать, потому что это не написано, не продумано, нигде не произнесено... Этого нет, но не высчитанная наукой энергия направляет это в центр его сознания, позволяя там вспыхнуть аду.

И в заполонившем утро поцелуе тоже не было разгадки. Предчувствие неправды сгустилось в его сердце.

– Меня будут ненавидеть. Не только ты. Многие будут ненавидеть. Не лично. Но сам факт того, что я есть, будет им понятен. Раз есть ракета, значит, был кто-то, сделавший её и поставивший последнюю визу. Я буду заслуживать людской ненависти. Но высшая правда останется за нами.

Взгляд жены перекрасился в удивление.

– Должно быть оружие, сохраняющее баланс, – твёрдо сказал он, в этом его сонный рассудок не сомневался.

Неустанная, напряжённая работа многих тысяч людей – моя в их числе – приведёт к тому, что оскалившийся, ничего не знающий о жизни и о гибели металл соединится в оружие, ему останется только ждать. Ему нечего бояться времени. Он либо дождётся, либо напится ужасом, который течёт по миру от знания, что металл может их уничтожить. Как белая ворона. Ждать, что именно она полетит, если они прикажут. Сила воли всего человечества выражена в этом оружии.

Жена побледнела.

Кошка легла рядом, принялась кататься по холодной плитке, пока жена кончиком пальца играла с ней, пыталась достать пушистое брюшко. Кошка протягивала лапки и, не выпуская когтей, ловила палец жены в объятия, но не слишком усердно, поэтому жена то и дело промахивалась мимо кошачьего тельца, а когда попадала, то с нежной улыбкой перекатывала его с одной ледяной плитки на другую.

Тогда, собрав остатки сил, он перенёс жену в их спальню и закрыл дверь, чтобы ничто третье не вошло и снова не отняло друг от друга.

– Я ничего не хочу разрушать, – говорил он жене, бесконечно глядя её, как она гладила кошку, и превращался сам в одну сосредоточенную кровавую ракету. – Но если это всё, для чего я был сделан?.. Если это единственное... я не смогу это отдать.

Жена не отвечала.

– Я просто хочу, чтобы ты была в безопасности, – прошептал за закрытой дверью комнаты, чтобы ни кошка, ни другие демоны, которые так пугают её этим утром, не услышали. – Чтобы ты могла сказать малышу: «Живи вечно, мы в безопасности благодаря папе».

– Зачем ты это говоришь? Этого не будет, ты же знаешь, – глаза полыхнули, она ответила с холодным достоинством.

Потом её рука медленно заходила по его волосам... постепенно приказывала: как надо, двигаться, как глубоко в её серую грудь он должен пойти – в невидимый золотой пушок, в крапинки пор кожи, откуда пахнет его женищина.

Ещё несколько минут – и страсть превратит её руку в оружие любви. Начнётся так не похожее на нежность и уважение, и он станет делать что делают все – в напрасной погоне за сутью женищины. Вроде бы просто: не делай зла, уважай её, приноси ей наслаждение – но почему всё это выглядит как уничтожение, как боль, как способ пустить кровь своему самому родному человеку?

– Скажи, что получится, – простонала вдруг жена, и теперь ему захотелось быть жестоким с ней, как она была с ним.

Оторвался от её груди, схватил за талию крепко, насколько хватало сил у несбалансированного тела, притянул к себе. Он почувствовал, что стать с ней одним целым неизбежно, даже если ракеты уже запущены.

Её глаза безотрывно смотрели в него, а в груди набух ком крови.

Он взял руку, которая всё ещё блуждала по его волосам, и поцеловал запястье – дельту из десятков синих вен, тонкую кожу, мягкие суставы. Такая же, как его рука, но никогда не сломанная. Их взгляды соединились, он полмгновения смотрел на жену как на новое, никогда не произнесённое чудо. Ясное предчувствие всего, что случится и когда-либо случалось между людьми, озарило его изнутри, вмиг переспорив науку университета.

Сейчас он поцелует её, и комната до потолка заполнится любовью.

Вместо этого он помедлил и вдруг сказал:

– Год назад, в этой квартире, в этот день, ты переспала с Никифоровым. Пока я был на смене.

Три или четыре секунды длилось молчание. Глаза жены выцвели. Он мог точно сказать, как каждую секунду менялся их оттенок. Вначале они были страстно-кариими, потом томно позеленели, потом серый ужас взорвался в них, потом чёрное мерзкое лукавство и красная, бездонная женская похоть, которая – он узнал только сейчас, через тридцать лет как его отсоединили от единственной верной женищины – столь всеобъемлюща, что, если разбужена, мужчине не обуздать её.

Он отшатнулся. Оказывается, нужна лишь пара мгновений, чтобы увидеть цвет её, прятанный за серебряной неподвижностью и гордыней. Его любовь вызрела в ненависть.

– Нет, этого не было, – раздался голос жены, он даже не сразу сообразил, что это она, настоящая, материальная жена, говорит ему. Он и забыл, что она ещё тут, видит его – лишь изнутри быстро умершего, а снаружи – должно быть, всё ещё прежнего, раздавленного усталостью, окрылённого тупым тщеславием, молодого, красивого...

– Это неправда! Кто тебе...

Протянул пальцы к губам.

– Никогда ничего мне не говори.

Речь и слова – это только ложь, увидел он, – лишь затем человек использует их, чтобы хитрить и убивать...

Потом, следующее, что услышал, был скрип двери и кошачье мяуканье. Потом были шорохи и новые скрипы, падали вещи, она поднимала их, складывала, убирала.

Он думал, что ещё сидит на прежнем месте, а на самом деле безучастно помогал ей собирать что-то небольшое, и тоже ронял, и тоже брал ненужные и не правильные предметы, как будто нарочно; и каждый раз, когда она ловила его слепые глаза, он замечал расплывшийся по комнатам серый ужас.

Квартиру залило чистое солнце, заиграло радио, запели птицы. Яд сегодня не пропитывал облака, детям не пришлось идти в сады и школы в защитных масках. Жена, кажется, хранила молчание; пережжённая электрическая нить по инерции соединяла их, трепетала, обугленная, от ударов истекающих сердец.

Малыши, благословенные на мир и безопасность, счастливые родиться под ракетным куполом, который никогда не допустит, чтобы им стало страшно, гуляли под окнами и смеялись беззаботно...

Жена вошла ненадолго в его мысль:

– Я поеду к Даше, – сказала через разбитую на сотню солнечных искажений квартиру. – Мне страшно с тобой.

Он глядел на неё, как если бы это кошка научилась говорить. Как много брошено слов... Это женищина, его жена, они когда-то поженились и прожили вместе шесть лет, мечтали завести ребёнка, ездили в путешествия: в Грецию, а зимой – в малолюдную Абхазию, пока он не получил секретный допуск... а потом каждый год, летом или в сентябре, – к её родителям, в дальнюю безбрежную Россию, куда-то в глубь, где жарко в тених и пахнет навозом, скошенной травой, болотными камышами, лошадьми...

Кто этот человек?

– Игорь. Ты слышал? Я уезжаю. Выпись!

Не было ни одного доказательства; сказанное лишь повисло в их комнате ядовитым облаком... Главное – он навсегда запомнил три неведомых оттенка цвета её глаз. Посмотрел вниз, на свою почему-то обнажённую грудь – что, за всё время даже не оделся? – поглядел на точку, под которой стучало сердце, удивился, что столько жизни есть в этой хрустящей, булькающей...

Она лязгнула замком, как вынула клинок из неё, – он кашлянул в дверь болью. Пора выпить чай и вернуться в бункер.

Никифорову уже ничего не сделается – он отправится туда, откуда за грех против космоса и армии не возвращаются. Жена ничего не повернёт вспять. Это другой человек, которого он не знал до самого утра ... Ничего не осталось, кроме будущего. А там существовала лишь ракета.

Потом прошло много часов; а он снова в этом бесконечно долгом северным дне, – который ночью только притворяется тьмой, а остаётся по сути ноющим, испаряющим желание светом. Он стоял посреди опустевшего цеха – единственный, кому доверили окончательную сборку, приёмку и отправку на фронт ракеты. Он чувствовал, как в тяжёлые, не по размеру громоздкие железные латы заковали тело; как превратили ум, привыкший вычислять, анализировать, критиковать видимое, доверять только цифре, в источник злости и уничтожения.

Он смотрел в бездну шахты. Раньше или позже в неё опустится ракета – результат великого труда многих не злых, светлых умов, продолжающих под градом ракетного обстрела, под канонадой близкой войны сооружать гигантские боеприпасы для нужд передовой. Он один – доказавший своё отличие – примет её рождение, станет ей отцом среди людей, заберёт от хмурого четырёхрукого бога смерти и войны.

Во время работы голова кружилась, раз в полчаса мозг прекращал производить мысли, входил в агонизирующее состояние, в котором ощущал дневной свет как энергию, проводящую информацию, а себя самого – как незначительную часть этой информации, вписанную в электричество, что путешествует по чёрной пустоте с начала времени и разносит весть о жизни, предлагает её дальним неуютным мирам под дальними, впустую греющими звёздами...

Просыпаясь, он чувствовал, что силы не вернулись, тело колыхается тряпичной безделушкой. Боль разъела его кожу и лимфоузлы, обнажив жёсткую хитросплетённую металлическую основу – в сочленениях пугливо мерцал никем не разгаданный пучок духа, которого не должно существовать согласно канону науки. Однако он был – иначе как ещё, через запах, напряжённое молчание и любовь, которой пришёл час умереть, он узнал...

Её взгляд возвращался, вонзался в него вновь, и вновь, и вновь, как будто выискивая в его совершенной защите брешь... Однако всё это останется прошлым, думал он, вся их история – не случившийся отсвет большого замысла о красоте, гармонии и новой жизни. Жена станет возвращаться, пока её неуголимая, страстная сила не растает во времени – как все и предупреджали.

Роковой результат многолетней работы обрёл форму и твёрдость. Он таращился на чашу неба, распахнутого и беззащитного перед его яростной клятвой, произносимой единственный раз

15 мая 2115 г.»

Лоббист дочитала рассказ за пару минут до того, как её пригласили в третью приёмную комнату. Это означало, что она следующая. Время клонилось к семи часам. В Москве наступали ранние тёплые сумерки.

– Привет, – он появился на мгновение раньше, чем она шагнула к дверям кабинета. Вежливым, но твёрдым жестом дал понять, что разговор состоится в приёмной.

– Добро пожаловать!

– Вот это да! Я вижу, ты стал большой шишкой!

Они сдержанно обнялись, и она присела на предложенное место на продолговатом рыжем диване, придвинутом к стене.

Чиновник перешёл в другую часть комнаты и, открыв дверь в предыдущую приёмную, сказал помощнице пару слов.

Потом он вернулся к госте и присел на плоский мягкий стул напротив. Их разделял уголок низкого кофейного столика, сделанного под старину из дерева и белого стекла. Рисунок на поверхности столика медленно менялся: внутри стекла будто происходило движение жидкости, и смена течений играла рисунком, подражая человеческой изменчивости.

На стене за её спиной висело четыре картины: три классических (доминировавшие цвета: оранжевый – переключка с цветом ворсистого пола, красный, и синий) и одна динамическая, исполненная к тому же в новомодной технике «угадывания желаний» – наблюдатель видел то, что из подсознания считывала машина. Чиновник краем глаза отметил, что на полотне в медленном вращении сталкиваются два потока воздуха: один быстрее и светлее, кажущийся горячим, хотя кипение в нём не главное, второй – тёмно-фиолетовый, выжидающий, холодный...

– Царственные палаты у тебя, сударь. Надо в следующий раз одеваться торжественнее, – продолжила она медовым голосом. Её взгляд источал любопытство и

восторг. Она осматривала его одежду: униформу чиновника, перламутровые знаки различия на плечах.

– Оставим любезности, – мягко попросил он.

– А что же, по-твоему, у меня есть что-то, кроме них? – ресницы девушки порхнули вверх, её удивление обдало золотистым ласковым светом – детским и убаюкивающим, что даже в жару под него можно было бы задремать и напиться в дреме зеленоватой бодростью.

– Уверен, ты пришла с интересной историей, – сказал он.

– Зря ты так со мной... мы не виделись сколько? Все твои новые одиннадцать лет?..

С холодным безразличием на лице чиновник пожал плечами.

– Время быстро летит...

– Полина, дорогая, – он чуть наклонился к ней, и столик покорно уменьшился в размерах, чтобы хозяин мог придвинуться ближе к её телу, – я невероятно счастлив тебя видеть. Давай с этим покончим и перейдём к делу. В социальной сети я не пропускаю ни одной твоей фотографии, но... подобные встречи компрометируют меня. И ты замечательно об этом знаешь.

– Я пошла в лоббисты не от сладкой жизни! – воскликнула она. – И даже у меня могут быть друзья, ты не думал?

Он рассмеялся. Лоббист, похоже, и впрямь немного разозлилась:

– Нет, правда! Что ты знаешь про меня? Думаешь, смотришь фоточки и всё?.. Это у вас там... где ты там до этого был? Всё, наверное, цветёт и пахнет, а тут, – она с горечью кивнула на панорамное окно, в которое бился оранжевый закат, затопивший новые московские проспекты и небоскрёбы, – на «территориях», – она показала кавычки жестом пальцев, – всё хуже и хуже. А я не хочу, знаешь ли...

– Ты, как и я, могла работать на любой территории. А выбрала эту, – отрезал он. – Значит, ты здесь не без причин. Может быть, даже хотела попасть поближе ко мне? Признаться, для чего на самом деле?

Теперь уже она придвинулась ближе. Её платье стало менять цвет; если сначала было синим, то теперь темнело в пурпур, ободки красной материи на рукавах и воротнике сделались малиновыми, а камни в серьгах из нейтрально-белых обратились в чёрные кровавые точки.

– Я рассказываю как есть! Да, я лоббист. Вот моя лицензия, – она стремительно показала карточку и почти сразу убрала, – доволен?

Он расхохотался.

– Ну, это уже слишком. Либо выкладывай, либо прекрати ломать комедию...

– Я прочитала твой рассказ ещё раз, между прочим. Подготовилась. Мне правда было интересно с тобой снова... встретиться, – опуская глаза на прозрачную столешницу, сказала она. Её руки закрыли от него хрупкое точёное тело, он больше не видел талию, стянутую кожаным ремнём.

Он отсел чуть дальше, сложил руки на груди и сказал:

– Емейла было достаточно.

– Всех это посещает, – тихо ответила она, выдержав долгую паузу. Во время молчания глаза восхищённо блуждали по его идеальному, юному лицу.

– Что?

– «Странная память». Это так и называется, научное понятие...

Он моргал, потом нахмурился обозлённо. Лоббист стала смотреть по сторонам, изображая рассеянность. Противоположная стена была обнажённым бетоном – ни краски, ни обоев; тёмные металлические щупальца приспособлений для приготовления пищи, напитков или создания чего угодно, что человек может захотеть от машины, торчали из камня, крепко обнимая его, как жилистые лианы обнимают уступы кхмерских храмов; третья торцевая стена гигантским зеркалом отражала свет из панорамного окна.

– Недавно начали очередные исследования забвения и его последствий. Вот и первые новости подоспели, просто пришла поделиться. Конечно, это немного расстраивает, да? Но мы прорвёмся, – сказала она доверительной интонацией и нежно сжала его ладонь, потом встала. – Ты не один, хорошо? Странная память бывает с каждым.

– Нет у меня никаких *странных* памятей, – разозлился он, тоже поднимаясь, но тут же сел обратно, потому что лоббист вернулась на место, коротко бросив взгляд на динамическую картину. – Я всё помню чётко.

Миниатюрная девушка стремительно порхнула со своего места на краешек стола и очутилась ближе к его сердцу. Её глаза обрамила чёрная краска, хотя вошла она не накрашенной: от уголков по идеально гладкой коже висков протянулись густые стрелки, отчего её взгляд стал более раскосым, безмятежным и соблазнительным.

– Ничего нет. Твои выдумки. Чтобы получить что-нибудь от мэрии.

– Вот как. То есть ты в полном порядке? Все эти одиннадцать лет?

Он сидел неподвижно. Тысячи не моргающих механических глаз следили за каждым его жестом. Люди никогда не удивят их.

– А меня вот беспокоит кое-что, и я пришла поделиться, – продолжила она. – Ты ведь знаешь, что я была с ним? – шёпотом спросила она, наклоняясь к его уху.

Чиновник вздрогнул.

– Не шепчи! У нас правила: И. всё должен слышать!

– Я показала лицензию, – она кокетливо положила лапку на его ладонь. – Не бойся меня, милый. Всё законно. Пожалуйста, послушай. Он всё слышит, только ему плевать. Я правда пришла, пользуясь своей профессией, но... мне надо было сказать это именно тебе. По твоему рассказу я подумала, что тебя тоже это... мучает. Это очень важно. Я должна сказать тебе одну очень важную, но очень секретную правду, хорошо? Никто не должен знать.

Её шёпот обжигал мочку его уха. Он знал, что ещё немного и попадёт в ловушку, увлечённый кошачьей вкрадчивой силой её голоса, в котором тонкий хрип соединялся с ударами звона, и на них нанизывалась мысль, входившая в его голову страшным предчувствием: «Она говорит правду. Что-то не в порядке!»

– Я действительно работала с ним. Он стал моим первым клиентом. Очень давно. Ты же знал, не притворяйся.

– Только слухи... – ответил чиновник, пытаясь избавиться от её навязчивых как бы нечаянных прикосновений.

Она полностью была раскрыта перед ним, сидела в тонком чёрном платье – не осталось ни красных, ни лиловых оттенков, и её плоть почти прикасалась к его. Зрачки девушки сделались карими, но в них тлела бирюзовая нотка.

– Я работала задолго до того, как он прославился. Бывала в их доме, знала его жену, сына... И всю команду, лабораторию. У него сменилось много людей, но костяк... – лоббист пересела, будто принимая более удобную позу, хотя, как он заметил, её тело так и осталось напряженным и перекошенным в пространстве – она сидела на самом краешке стола и прижималась к нему, будто в башне был хоть один живой человек, способный подслушать.

– Они говорили, что это будет следующей проблемой. Которую придётся решать. Проблема кода разума, – она чуть отдалилась, чтобы два раза многозначительно моргнуть, поправила волосы. – Сейчас сформулирована гипотеза странной памяти, в том числе о том, что полностью оценены масштабы работы по переносу личности при забвении...

– Чёрт, зачем ты рассказываешь, тем более теперь? – чиновник отстранил её от себя, встал, перешёл к окну. По мановению его руки защитная затемняющая оболочка стекла испарилась.

Он долго глядел на город. Свет угасал – его словно пришибло явившимся с запада облаком, которое начинало в отдалении погромоывать. День проваливался в сеть тёмно-синих вен, которые через час-другой яростной грозой прольются и на мэрскую башню.

– Я лоббировала их, – гордо сказала девушка, вставая, расправляя плечи. Платье перекрасилось в зелёный, серьги вспыхнули изумрудами.

Она пересекла комнату, остановилась перед ним, прямая и не боящаяся ничего, даже смерти, ведь той давно не стало.

От неё пахло слабой частичкой северного хвойного дерева – парфюмер-машина, видимо, осознанно добавила каплю холодного ветра в запах, чтобы та поиграла на контрасте с горячими, падкими до страстных сполохов телами молодых людей.

– Я хорошо их лоббировала, – её речь самодовольно причмокивала. – Это я привела их в армию. Я уговорила его, в конце концов, что только там он получит нужные ресурсы. Был он уже не такой молодой и согласился. Все знали, что это ошибка, но они не могли остановиться, вложив в это столько времени и денег.

– Ошибка?

– И как-то раз он упомянул, – продолжила она, игнорируя вопрос, – что исследование не закончится на разгадывании кода. Даже на фуршете в честь Нобелевской премии он опять говорил об этом.

Она помолчала немного. Чиновник с мраморным безразличием смотрел поверх её головы на отражение, в котором множились копии её спины, плеч, затылка.

– Код разума – вот что будет следующее. Он предупреждал об этом. Поэтому профессор никогда не собирался пользоваться открытием и становиться бессмертным. Он всегда говорил, что важно научиться не предотвращать дефекты и не выращивать новые клетки и даже не контролировать развитие генома, а разглядеть в ДНК то, что отвечает за разум и душу. Поскольку он никогда этого не нашёл...

– Перестань!..

Лоббист коварно улыбнулась. Незаметно для чиновника она вновь была почти вплотную, вновь платье собиралось почернеть и захватить его сухими объятиями.

– Время опережало его. Ему давно самому требовалась расшифровка и пересборка... Он мало кому доверял. Друзья-старички его пугали. Я умоляла: пожалуйста, не оставляй нас. Не для того я привела тебя в армию, чтобы они использовали нас, а потом ты, изобретатель бессмертия, попросту бросил нас!

Чиновник нервно подёрнул плечами, описал взглядом дугу, чтобы избавиться от её навязчивого напряжения.

– Их метод дешифровки работал не с самой ДНК как молекулой: они дешифровали электромагнитный резонансный код, сверхслабое излучение базовых делений, он назвал это «нотами», на которых «спет» шифр жизни; сказал, мы теперь знаем ритм; сказал, это отворит следующему поколению исследователей дверь в «тонкий мир». Он был уверен, что душа, память, – всё спрятано в светописи. Как это выглядело со стороны? Несколько зелёных точек среди тонн генома, – он мог разглядывать часами, показывать мне по пять раз на дню и бормотать: «Что говорит твоя интуиция? Может быть это душой? А памятью?» Я только пожимала плечами.

«Памятью...» – горячим шёпотом повторила лоббист последнее слово.

Чиновник захотел оттолкнуть её, но сдержался.

– С тех пор как он расшифровал морфогенетическую светопись, все его мысли были только об этом – найти и пересобрать душу. Армии это не очень нравилось, поэтому ничего из его последующих работ о резонансном коде не публиковалось все эти десятилетия. Они предпочли превратить его в живой памятник. Дать всё, что старик захочет, включая Нобелевку, только бы запереть в загородном доме под присмотром телохранителей. Он был не от мира сего, так что расчёт-то оказался верный... В последнюю встречу он говорил о совсем отдалённых от первой теории вещах. Про телепатию, манипуляции с сознанием и памятью, и постоянно – про этот код разума, его мучили оставшиеся одиннадцать процентов последовательностей, которые они не расшифровали...

Она замолчала, некоторое время они растерянно смотрели друг на друга, будто лоббист на минуту заговорила на иностранном, не известном ей самой языке, а потом спохватилась и теперь пытается заново сказать на своём:

– Про дело Франка слышал?

– Да.

– На самом деле, он просто пытался возобновить старое исследование профессора. Это даже не его идея. Последний старик из лаборатории. Наверное, просто копался в электромагнитных волнах, а они тут же обвинили его в богохульстве... Никто не хочет разбираться в том, к чему расшифровка ведёт на самом деле. Всех, кто будет копать в этом направлении, теперь хотят уничтожить.

– Да, читал, что взялись за эту эзотерическо-генетическую секту всерьёз, – сказал чиновник.

– «Секту», ха! Хотел человек найти душу, – лоббист усмехнулась. – А нашёл билет в один конец. Мы же так не хотим?

– А причём тут «мы»? Ты ни разу не упоминала, что они искали при расшифровке ДНК какие-то потусторонние вещи.

– Я читала первую редакцию его «Теории сборки человека», там было сказано в лоб: крайне маловероятно, что разум можно репродуцировать, воссоздать без потерь – требуются дополнительные эксперименты, прежде чем говорить о качественном сохранении личности. Профессор был уверен, что всё либо какая-то часть потеряется, поэтому сам он не пользовался забвением – отмахивался, мол, простого омоложения клеток достаточно, а если мозг решит отключиться раньше, то так тому и быть... Шутник, да?

– Я не могу поверить, что ты рассказываешь всё это только сейчас, – пробормотал чиновник раздражённо, чем лишь подарил ей новую улыбку.

– Может, ты и прав, но продавать это под этикеткой «Мы не знаем, собой ли вы проснётесь», – сам понимаешь. Я сразу сказала, что неуверенность надо оставить для академической науки, а рынку требуется что-нибудь простое и односложное. Если мы предлагаем фантастический продукт, он должен быть ослепительно прекрасен. Что ты качаешь головой? Можно и было отказаться, но без экспериментов с забвением мы вообще бы не имели даже этой жизни.

Последние слова она вновь произнесла шёпотом.

– Ты же шутишь?..

– Откуда столько драмы? Не бойся, милый. Я рисковала куда больше твоего, однако первые забвения, включая моё, прошли вполне успешно. Поверь, ты был в относительной безопасности.

Он принялся ходить из стороны в сторону по узкому пяточку перед окном, откуда на ворсистую поверхность пола всё ещё просачивалось закатное пламя. Остальная комната потемнела, но когда машина включала мягкий сизый свет, чиновник нервно махал рукой, приказывая потушить.

Наконец он воскликнул: «Сделай твёрдым наконец!» – и ковролин покорно исчез, обнажив ледяные мраморные плиты. Наверняка пол теперь обжигал босые ноги девушки, но она не подавала виду... Может, всё-таки она лишь андроид, а происходящее – утомительный розыгрыш И., который, конечно, не пустил бы к нему такую болтунью?..

– Полина, это сомнение терзает меня с тех самых пор. Я проснулся или нет? – скороговоркой произнёс чиновник. – Это меня они... «пересобрали»? Я так отчётливо всё помню, так всё знаю... Но этот мир... Он же другой? Ты точно была там? Мы ведь были знакомы? Это ведь ты? Не другой человек?.. Кто соблазнил меня на пересборку? Ты или реклама?

Лоббист грустно улыбалась, потом пересекла комнату, встала перед бетонной стеной и кивнула. Одна из гибких лиан выделилась из недвижимого переплетения, приблизилась к её юному лицу. Наконечник превратился в стакан с водой. Сделав глоток, девушка обернулась.

– Я себя убедила, что я та же, всё как в биографии: девочка-отличница, которая приводит в большой мир непризнанных гениев науки, защищает их от травли, например, вонючей фармы и остальных бандитов, которые держат народ за скот и кормят его таблетками... А ты как чувствуешь?

Он открыл рот, чтобы ответить, но так ничего и не сказал.

– Задолго до всего этого ужаса, когда только доказали, что «излучение ДНК» существует, и что Гурвич, Монтанье, Бенвенист, остальные – всё это время были правы, и что светопись существует, и что дешифровщик сумеет взять её, – вот тогда-то профессор почувствовал себя богом и, конечно, очень изменился. Он так и сказал: «Свершилось, мы были правы, всё это время я верил...». Большого он не раскрыл, но я видела, как это сияет в его сознании: «Я могу заменить бога!» Он так хотел это сказать, но сдержался, – она снова стояла вплотную к нему. – А когда они впервые смогли перевести резонанс в линейное уравнение, то от перспектив у них поотрывало головы... Почти все, мне кажется, поймали такую звезду, что уже не могли никогда работать эффективно. Кроме Франка и самого профессора, конечно.

Было что-то неправильное в том, что она постоянно догоняет его, будто пытается загнать в угол. Как будто это она тут охотник, а не он. Приёмная была слишком мала, чтобы играть тут в кошки-мышки. Его злила необходимость ускользнуть от её мерцающих подмигивающих украшений: серёг, браслетов, которые то оплетали руки платиной, то практически исчезали, делаясь полупрозрачной посеребрённой тканью... Маленькая девушка, гибкая и изящная, как кошка, пересекала бесшумной походкой пространство, настойчиво заставляя его чувствовать, как трепещет её кровь и сердце.

– Тебя избрали... Согласись, приятное ощущение? – усмехнулась она. – Чтобы ты прожил хороших сто лет, помнишь? Все твои болезни были вылечены. Ты всегда был юный, свежий, ты был хорошим любовником. Ты путешествовал, ты ничего не боялся... Счастливый билет. Тебе ведь нравится быть молодым, вечным?..

– Нас не должны слышать, – ответил он и вдруг, к собственному удивлению, зачерпнул губами воздух, пробуя поцеловать её, но лоббист будто не заметила и только приподняла бровь в ироничной усмешке.

– Мне надо было с кем-то это обсудить, – сказала она. – Все эти годы я чувствую, что произошло нечто ужасное... Ошибка. А профессора нету, чтобы я потребовала настоящий ответ. Все остальные, даже Франк, лишь подражали ему. Никто ничего не понимает, потому что они боятся «ненаучных» категорий, им до мурашек страшно попасть в опалу и очутиться в клетке за ересь... – она тяжело вздохнула. – Короче, я ни с кем не могу поделиться. Он предупреждал: код разгадан, и теперь мы знаем, как информация путешествует между всем, что состоит из ДНК, то есть и между... «субъектами», находящимся даже в других галактиках... Но разум, повторял он, это совсем другое. Это свет, который будет угасать... Нельзя просто репродуцировать развитие тех же нейронов и ожидать, что личность, восприятие, суть человека – возродятся автоматически, особенно если мы ничего о них не знаем. В общем, мера с забвением сегодня признаётся временной.

Чиновник взял её за плечи.

– Признайся. Они вообще знали, переживём ли мы это?

– Ну что так нервничать? Все всё знали. Наши тела – на месте... а вот мы ли это – она с улыбкой коснулась его виска, потом положила руку на грудь, в область своего сердца, – наша ли это душа, – пожала плечами. – Он так и не открыл её, не стал богом. Профессор не стал богом. Хотя всё делалось ради этого. Его не интересовали генетические болезни, выправление кода, лечение рака, даже бессмертие. Ничего, что он открыл, не имело целью спасти жизни. Он был уверен, что за расшифровкой сигнала ДНК, за расшифровкой микроизлучения, – пускай никто не верил, ему было всё равно – он отыщет то, что составляет нас. Докажет, что это существует и это не религиозная величина, а такая же доступная науке вещь, как и любая материя, любая мутация. Амбициозный старик,

понимаешь? Он мечтал переломить мир и переустроить всё заново, а это право даёт только величайшее открытие.

Я защищала его как могла. Его идеи, которые для «нормальной» науки были просто ересью. До последнего, даже когда он нас покинул, я защищала его имя. Знаешь, что ещё в этой концепции с десятилетним сном выглядело привлекательным? Я надеялась, что пока буду в забвении, лаборатория продолжит работу и найдет способ восстановить меня полностью такой, как я была. У меня была эта наивная надежда. Но все они, кроме Франка, продались, когда он нас покинул, а Франк был слабым и проиграл фарме, едва вылез с первой статьёй.

Они глядели друг на друга. Теперь всё, что было за окном, превратилось в маслянистые однотонные сумерки и стало выглядеть чужим, не правдивым – вообще никогда не содержащим правды – ведь самого его, может быть, не вписали сюда прежним, и нет «его», а есть иная сущность, очнувшаяся здоровым, сто десятилетним человеком, выглядящим как старшекласник, и весь смысл новой сущности обнаружится в пластиковом одноразовом счастье. А потом, после декады следующего забвения, всё повторится.

Вдруг ему пришло в голову:

– Про всё это знает И., не так ли?

– Да.

– Ты должна к нему пробиться. Пусть объяснит, что нам с этим делать.

Она поёжилась.

– Спасибо, конечно, что так веришь в меня... Я иногда думаю про это. А что если И. хочет, чтобы нас пересобирали неправильно? Если он всем этим управляет... Это же самое логичное. Искусственный интеллект использует забвение, чтобы сделать нас игрушками?

Чиновник вздрогнул и предпочёл ничего не говорить.

– А с другой стороны, зачем мы ему? – рассуждала лоббист, наблюдая за тем, как дождь принимается за дело и бьётся о стекло в страстных порывах ветра. – Нас ведь горстка... ему куда важнее контролировать тех, кто умирает не по расписанию и постоянно создаёт всякие дурацкие человеческие проблемы...

Сквозь сумерки на многоуровневые эстакады и сложно переплетённые развязки в одночасье рухнули потоки ливня. Солнце последним алым лучом задело мэрскую башню и кануло до утра за мокрую пелену, из заводских труб потянул дым – один И. или чёрт (если только он есть) знает, что там создают на этих фабриках, полностью отделённых от кварталов людей и отданных машинам...

– Красиво... – задумчиво сказала лоббист.

Ему невероятно захотелось обнять её и ощутить рядом настоящую человеческую душу. Она прильнула к нему, едва он протянул руку, прислонилась и взяла его ладонь, трепетно сжимая её, будто пытаясь передать последнюю часть рассказа одним прикосновением.

– Всё-таки я довольно отчётливо помню то, что было. Только это как будто отделено стеклянной стеной. И знаешь, я больше не чувствую никакого притяжения, – признался он. – Ни к кому... Только желание тела осталось. Твоё тело – совершенно...

Он посмотрел на неё, и платье сделалось прозрачным, прямо как того желал... Теперь уже он потянулся слепо. Выглаженное брюхо тучи, которая ощупывала город влажной искрящей клешнёй, отражало прикосновения ушедшего солнца, и на фарфоровое тело лоббиста падала рябая, многократно искажённая позолота. Они хихикнула: ткань не допустила чиновника до кожи – он водил по невидимой материи, контролируя и горячку желания, и лёгкое разочарование.

– Как я мог там любить? И измерять эту штуку в словах «сильно люблю», «слабо люблю», – сказал он, – если теперь этого совсем не существует? Полина?..

– Это всё истории, – грустно вздохнула она. – Из книжек и фильмов для смертных. А в основе всего – просто желание...

– Рекламный проспект я читаю все десять лет. Пытаюсь понять. Самая главная сделка моей жизни, – он всё ещё водил по её телу в бессмысленном, несвоевременном стремлении дотронуться до него. – Обманули меня или нет?

– Нет. Всё правда. Это ты. Человек. Ты хочешь меня. Это нормально.

Глаза лоббиста уже давно по-змеиному замерли – он отражался в них зверем, ошпаренным неискоренимым желанием. В один миг чиновник получил доступ к ней: его ладонь вдруг провалилась, и он упёрся в её живот, горячий и твёрдый.

...Однако ничего не изменилось. Когда он выпрямился и отступил от неё на несколько шагов, когда её спина элегантно разогнулась, а она обернулась и лучезарно улыбнулась – он лишь убедился в том, что ничего нет.

Их одежда вновь была цельной, чёрной, целиком застёгнутой, всё срослось на ней, словно они ничего не рвали.

Она пугливо приблизилась и провела по губам пальцами, будто удостовераясь, что его лицо не распадётся сейчас на фрагменты и он не окажется ещё одной лживой композитной машиной.

Чиновник разочарованно смотрел на их искаженные тенями отражения в дальнем полумраке приёмной.

– Есть перспективный молодой биофизик... – сказала лоббист другим голосом.

– Вот когда ты перешла к делу, – чиновник закатил глаза.

– Ну, а как ты хотел? Или думал, я не пробовала секс? Секс с теми, кто прошёл забвение, с теми, кто смертен, с теми, кто сейчас в забвении?.. – с горечью сказала она. Некоторое время продлилась пауза. Чиновник поморщился.

– Ответ не в сексе, а только в науке, малыш.

– Полина...

Она злобно посмотрела на него.

– Ты сможешь или нет? Есть славный мальчик. Пара-тройка публикаций, хорошие отзывы, малозаметный. Пока его не сожрали, ему нужно тихое место, где он создаст лабораторию, начнёт расчёты и эксперименты, но главное, ему сейчас нужно хоть три-четыре года тишины. Только на территориях, – она качнула головой на успокаивающийся за окном ночной дождь, – я сумею его защитить. Тем более с твоей помощью.

– Почему это «только»? Африка чем плоха? Кения, например? А Европа? В Лондоне, говорят, приняли закон о свободной науке...

– Я знаю, чего хочу, – отрезала она. – На территориях ему будет лучше.

– Упрямая сучка.

– Некогда распускать слюни, – она схватила его руку и сжала запястье до лёгкой боли – знала, где навсегда остался след тяжёлого детского перелома. – Ты же видел... – она кивнула на окно, возле которого – ударяясь о страсть ливня – человечья страсть сражалась за общее тело, недавно и недолго, и не казалась отсюда, из будущего, ни ей, ни ему, что победа была возможна.

– Таким методом ответ не найдёшь. А народ рано или поздно узнает про бессмертие, и начнутся вопросы. Разве ты сам не понимаешь опасности этой истории? Без дальнейших исследований мы можем сами скоро не знать, что происходит во время забвения!..

– У тебя что, паника?

– Всё, что мне надо, это дополнительная тысяча лицензий для опытов мальчика, – объявила лоббист.

– Как зовут?

– Сначала лицензии.

– Как зовут?! Я ничего не буду делать для какого-то анонима.

Лоббист колебалась. Он чувствовал, что сейчас она, наконец, говорит искренне. Живая, озлобленная беспокойность проявилась в её взгляде и осанке. Она сделалась нетерпеливой, но он верил в то, что она действительно болеет страхом за свою память... Или вновь лжёт?..

– Луи... Габо.

– Какое это гражданство?

– Француз. Какая, к чёрту, разница! Сосредоточься на важном. Я не собираюсь гадать до следующего забвения. Малыш Габо говорит – тысячи должно быть достаточно. Он ранний гений, у меня на это глаз намётан, – она невесело усмехнулась. – И последователь Франка. В любом государстве, – вновь она показала пальцами кавычки, хоть имела в виду именно сохранившие суверенитет страны, – его запрут в клетке и объявят шарлатаном. Даже сейчас история, как с Монтанье, может повториться, хотя все всё знают...

Она пожала плечами, качая головой, и коротко закрыла лицо руками. Её плохо подавленная истерика, понял он, комична и утомительна в своей искренности.

Ещё тысяча бессмертных, вздохнул чиновник. Большое ли дело? Ни один не откажется, когда узнает, для чего их выбрали. Вспомнил себя – то, как он посмотрел на будущее, когда ему сказали: «Это ты...» Он ощутил себя богом. Больше всего его изумила темная масса прошлого, груз которой он прежде не осознавал и которая стала растворяться в безразличной стоячей воде вечности, едва он поверил.

– Полина, я буду тебе всегда благодарен за то, что меня...

– Благодарен?! – вонзилась в него чёрными глазами. – Знаешь, сейчас уже моё терпение иссякает. Ты мне должен, – отчеканила она. – Вот это всё и твоя чёртова сто двадцатилетняя жизнь – это всё я! Я к тебе пришла. Ты меня не благодарить должен, а... я ещё и дала тебе, господи! Не думала, что придётся это произносить, но ты же понимаешь, что это компромат?..

Она осеклась. Гнев боролся на её лице с брезгливостью и жалостью. Потом, видимо, ей сделалось стыдно, и она добавила:

– Я правда надеялась, что до этого не дойдёт...

– Направь обращение, – холодно бросил чиновник. – Я рассмотрю... в эксклюзивном порядке.

– Игорь, ну не надо. Ты заблуждаешься, всё не так, – вдруг снова начала говорить она ласково и вкрадчиво. – Я ничего этого не имела в виду. Я бы на тебя никогда ничего не сказала...

Не подтверждённое фактами предположение, что она каким-нибудь образом сможет отнять у него лицензию, поразило чиновника, и впервые за много лет страх тронул его сердце.

– Что тебе ещё нужно? Ты всё получишь. Уходи, пожалуйста. Мне неприятен этот разговор.

Лоббист глядела на него огорчённо, как молодая наивная девушка. Но потом что-то дьявольское промелькнуло в её глазах, а стрелки, обрамлявшие их с начала встречи, испарились.

– Кстати, добавь в рассказ, чтобы они что-нибудь ели. Раньше это было очень важно, помнишь?

Чиновник отвернулся, чтобы не видеть её уход. Нет повода волноваться: математически новая встреча неизбежна. Она напоследок прижалась к нему, обняла одной рукой, завела левую ногу за его ягодицы:

– Ты был хорош. Мы сильно любили друг друга, раз я это тебе предложила. Я не использовала тебя. Это для всех нас... Но это же не мы. Это не жизнь. Надо узнать...

Чиновник медленно развернулся, но не отвечал. Как много брошено слов – меж тем свет прекрасно объясняет всё, что произойдёт или происходило прежде между людьми. Возможно, втайне она надеется, что сейчас он поцелует её, и комната до потолка заполнится любовью.

Вместо этого он помедлил и вдруг сказал:

– Понятно, на что ты надеешься. Но профессор никогда не вернётся. Через двести лет, в этот день, всё здесь погибнет – задохнётся ядом, – а единственными, кто выживет во Вселенной, будут те, кого он взял в экспедицию. Он оставил тебя тут, хотя знал...

Проступил холодный пот, речь выбелила его, но слабая улыбка осветила лицо. Лоббист окаменела от ужаса, потом оскалилась в безрадостной усмешке. Собрав силы, развернулась и решительно зашагала к дверям.

– Живи вечно! – пожелал он.

Она вздрогнула и простояла секунду, не оборачиваясь, будто поражённая током, а не разрядом памяти.

Когда дверь бесшумно затворилась, чиновник тяжело выдохнул, закрыл на своём устройстве приёмный день и вскоре выглянул и объявил помощнице, что та может уходить. Бесшумная машина замерла в жесте благодарности, заехала в нишу в стене, где подсоединилась к заряжающему устройству и якобы уснула.

Первый месяц на работе складывался неважно. Похоже, это только начало. Тысячи дел, никогда не кончающаяся волокита. Единственная чёткая установка на этот счёт от И.: «коммерческие» бессмертные должны платить обществу хорошей работой. Пускай. Как он там руководит всеми процессами, человеку не понять, но мир по какой-то причине не разваливается, значит, все эти бредни про апокалипсис остались сюжетами скучных фильмов.

Жизни хочется лишь движения вперёд. Ум, обращающийся в прошлое, злит её – она склонна скорее уничтожить его. Может, поэтому несчастные смертные так часто болеют и чахнут в депрессиях? Под смрадным сероводородным облаком, в котором купаются их города, что ещё хочется им делать, как не умирать?..

Он решил кое-что перепроверить. Ему нравились принимать человеческие, неразумные решения. Может, в радиусе всего километра – вокруг башни раскинулся гигантский лабиринт чиновничьего улья – не было другого одушевлённого существа, способного ошибиться, и мир чах от звона совершенства мнимого сна цифры...

Вернулся в кабинет, открыл почту, нашёл собственное письмо трёхнедельной давности: «Полина, привет. Думаю, ты и сама всё видела по соцсети. Перейду к делу. Это мой рассказ. Я впервые что-то написал с тех пор, как вышел из забвения. Было странно. Раньше я писал стихи(?) По крайней мере, в библиотеке за прошлый век нашлась пара тонких книжек с моим именем. А теперь вот это. Я написал это за несколько часов и утром не сразу понял, что это такое... Подобного со мной никогда не было, тем не менее я пережил эту историю как свою. Меня несколько тревожит: память это или фантазия? И кому это принадлежит? Мне было бы интересно узнать, что ты об этом думаешь? Напиши, когда у тебя будет время. Понятное дело, спешки нет (старомодный смайлик)».

Выдержав двухнедельную паузу, она ответила: «Игорь, обязательно давай поговорим про это! Но мне очень важно рассказать тебе кое-что... Не в переписке, но думаю, ты догадываешься. Ты сможешь понять, вот что важно. Давай встретимся?»

Контрразведка по московской территории, скорее всего, ошиблась: согласно логу, предоставленному офицером-человеком, она якобы открыла файл лишь пару вечеров назад и закончила чтение за несколько минут до того, как он принял её. Впрочем, именно это не важно: её ведут наверняка более сложные мотивы, о которых надо собрать больше информации, а этот Луи, может быть, попросту любовник... Ну, или очередной клиент – и они не собираются ничего на самом деле делать, кроме дорогостоящих военных экспериментов над сигналом, прокладывающим нити ДНК между всем живым...

Судя по всему, она обосновалась на территориях всерьёз, и пора принять её как участника большой политической игры, происходящей под присмотром молчаливого И. Однако то и дело его размышления уходили в сторону от дела. Он начинал возвращаться в те минуты, когда страсть Полины казалась подлинной, её взгляд, брошенный на него через плечо, – чем-то ценным... Он смутно улавливал, что это действительно существовало, но не имеющая названия дополнительная оболочка, то ли появившаяся недавно, то ли

существовавшая всегда, отделяла его разум от прикосновения к смыслу происходящего. В сердцевине их наслаждения, неотчётливо предчувствовал он, была натянута электрическая петля: на одном краю которой – злобная похотливая ненависть, мечтающая сожрать себя и другого, а на другом – отдающая, ничему не противящаяся, согласная умереть в любой миг, а потому вечная, живая, питающая...

Слова не было. Когда природа убедилась в его вечности, когда он вышел из забвения – новая сущность смысла древнюю обязанность продолжаться.

Слово больше ни к чему, час его в прошлом.

Прошло ещё время: тягучее человечье промедление...

Ровно в полночь город захлестнёт лихорадочная уборка. То ли кто-то из работавших над И. программистов был чистоплюем, то ли машина в процессе самообучения сделала вывод, что людьми лучше всего управлять, сохраняя в чистоте их города и деревни... По крайней мере, не было логического объяснения, почему И. столь упорно внедрял систему еженощной уборки на всех территориях, сданных ему в аренду.

Выползут из невидимых укрытий овальные пылесосы, вооружённые тысячей насадок и сотнями тысяч сенсоров, соскребающие любой плевок, жвачку, бумажку... Залезут даже в штаны к бездомному: без брезгливости, с выверенной до наносекунды дотошности вытряхнут из них гадость, а самому человеку в тысячный раз вручат повестку в лепрозорий. Что не поменялось за сто двадцать лет, так это тяга человека к саморазрушению, усмехнулся чиновник. И даже теперь, когда вот-вот всем будет объявлено, что больше можно не умирать, в подворотнях найдутся опустившиеся и «просветлённые»...

Потом он перестал думать о других и залюбовался бессмертием. Даже если эта «странная память», про которую упоминала для соблазнения Полина, – правда – не видно причин беспокоиться. Жизни не нужно копошение там, позади – ей нравится только он нынешний...

К тому же он уже начинает осязать этот мир куда отчётливее, чем до забвения. Тогда он был «юным» – природа собрала его первый раз и предупредила: «К старости ты рассыплешься, отсчёт пошёл – успевай, беги!» Теперь, когда он перехитрил её, ставки изменились. Он чувствует, как природа с опаской высовывается и безмолвно приглядывается, оглушённая тем, что не сумела вплести в его код шёпот искажения, ведущего к смерти. Ей тоже теперь интересно узнать о нём побольше – посмотреть на тёмную противоестественность клеток, которую металлическая машина искусственно беспристрастно подновляет и выправляет, прописывая светом нужное «направление» ДНК...

Забвение, необходимое для обновления функций мозга, как говорят, продлилось ровно десять простых земных лет... Но почему мне кажется, что минула вечность и всё переродилось, а меня одурачили – всё это не моё? Мне неуютно здесь, я лишний, я не могу вместе с миллиардами других пережить самое основополагающее... Чиновник вдруг задумался: какое из чувств забвение следующим отщипнёт от него? Будет ли это дефектом сборки или последним очищающим шагом в приветственные объятия бога?

Впрочем, может быть, я лишь сгущаю краски, – и эмпатия действительно восстановится. Прошло одиннадцать лет... но время упрямо – оно исправляет всё, не так ли? Постепенно пройдёт, будто пустота – это неправильно, перестанет болеть о том, что они с женой расходятся, будто холодные угли – разлетаются, не желая (разумеется) плодить новых смертных, и им не для чего быть друг с другом после того, как свербящая похоть разрешена...

Каждый месяц кожу, кости, кровь и внутренности чиновника изучала специальная машина. Она снимала доподлинную копию всех невидимых крошечных нитей, делающих его одним-единственным неповторимым человеком на земле. Столько лет она заглядывала в него и копалась в том, что, как он ещё недавно полагал, не существует! Ему всякий раз хотелось узнать у неё – видит ли она нечто в этом сообщении электричества и света внутри

него? Каждый раз, когда это происходило, его мучило от любви к машине и от восторга перед наивысшей математикой, перед И.

Официально, конечно, И. не распоряжается бессмертием, тут можно поверить Полине: действительно, бессмертных на планете малая горстка и контролировать их легко, ведь они наиболее зависимы от развития технологий и прогресса. А вот смертные... Именно им нужны зыбкие конструкции из бога, поиска радости и вечности за пределами себя.

Но неужто он просто их терпит? Как это они не интересны ему – особенным, математическим интересом – люди, которые перешли реку забвения, а через век, когда клетки их мозга перестанут генерировать разум и дух, – пройдут ту воду повторно?..

Разве И. не находит их родственными себе? Они очищены от одной из основных страстей и стали так подобны ему, богу цифры, – результату создания людьми нейронной цепи, опоясывающей мир, которая выдула из человека яркий стеклянный сосуд. Из его горлышка, усилием воли шести миллиардов душ – извлечён высший, не ошибающийся разум, – кстати, многие боги, спекулировавшие на мудрости и знаниях, стали смешны.

Ранним северным утром, через неблагоприятные пустынные территории он возвращался домой. Город стелился гладью вылизанной дороги – шагай босиком, впитывая каменное тепло, стерильную бессонницу цифры, – нежно искажённый лунным светом, мерцающим и непостоянным, будто его нарисовала юная художница-человек.

Давно пора нырнуть в полупрозрачную транспортную капсулу и позволить машине перенести себя в квартиру, там рухнуть спать и долго восстанавливать силы, не забыв перед тем тщательно смыть с себя Полину, эту неуместную, неясную женщину из прошлого, даром давшую ему вечность...

Однако он сознательно поступал нелогично, оттягивал: шёл пешком, ощущая колебание человека, который бежит из задыхающей ядовитым воздухом Гоморры под единственным условием: «Не оборачивайся». Разве возможно? Не для того я вышел из бога.

Чиновник решительно обернулся в прошлое, на иного человека – никогда не жившего, не думавшего, любившего. На себя. Вспомнил выдумку. Персонажа схваченной серебряным утром истории, которого предала жена и который идёт, обессиленный – шагает домой, чтобы она убила его, а он ещё не знает, что умрёт.

В том мире, где идёт война, где МБР готовы к запуску, и враг окоченел от ужаса, ожидая их, где совершается несправедливость и месть между людьми (хотя машины и уравнения готовы всё исправить), – есть тоже свой, весьма своеобразный И.

Бог того времени обрекает человека на муку, чтобы тот проснулся брошенным и через страх постиг, что вечность – это холод в отсутствии любви... И потому куда лучше – призрачный золотистый мир, сотканный словами, то есть ложью и страхом. Ещё он обожает разнообразие, их бог: и любви, и ненависти, и изумлению – всему вперемешку под его крылом есть место. Одно беспокоит его: чтобы только жизнь не иссякала, чтобы любовь проникала между живым всюду и делала новую жизнь; и чтобы нёсся по черноте её вписанный в свет и звук и радиацию сигнал; чтобы он оплетал любое существо, – и немую одноклеточную жизнь, и голубые сверхгиганты, выпускающие дух перед взрывом или белым миллиардом лет забвения; чтобы он рвался, невзирая ни на что, не уставая искать ответы, не позволяя препятствиям сдерживать себя, не обнаруживая даже у смерти достаточных сил, ведь будет новая-новая-новая жизнь!..

Усталость опустилась на бессмертное тело, возвратила в двухмерный мир сомнения и животного страха перед ложью, жестокостью, болью – тысячей причин бояться. А ведь всего этого нет... Прошлое коварно, манит страстями – и вот уже вонзает клыки в его губы и жадно глотает кровь, чтобы он влюбился в усталость, чтобы уснул наконец после трёх суток допросов, а очнулся посреди ледяной постели, и чтобы не было рядом жены и кошки – они будут, они были – но сейчас их нет. Похоть и безумие уничтожили его, но лишь на время.

Он покачивается на ветру. Стал лёгким от усталости и стресса, из-за обысков и арестов начальства, чувствует, как скоро провалится в неизбежное забвение, которое всё излечит. Очнувшись, он пересоберёт себя и уйдёт в мэрскую башню – принять ракету.

Чиновник тянул руки богу смерти и разрушения, но и там не находилось твёрдости – ничего не было, его окружала ионизированная тьма. Казалось, её мог просветить и объяснить вспыхивающий в недостижимой дали лукавый взгляд Полины... Однако память – это испаряющийся свет, всегда движущийся во времени в противоположную от меня сторону, и его чёткости никогда не достаточно; чем больше она отдаляется, тем меньше собирает информации, а правда высыхает в ней – в ответ мне достанется только выдох пустыни.

Мысль чиновника окончательно утратила твёрдость. Впрочем, с тех пор как познал И., он был уверен, что никогда не распоряжался ею – просто через зверьку проходили потоки волн, придавая иллюзию смысла происходящему.

Он представил себе сияющую сеть нуклеосом, связывающих спирали ДНК, пульсирующих в их хитросплетениях разумным электричеством, которое неумоимо проповедует о жизни на языке, давно стёртом временем, – ширится беззвучной опухолью из центра Вселенной. Старый профессор в окружении злобных армейских хозяев корпит над разгадкой светописи, но лишь отдельные озарения сплавляют вместе чудом угаданные слова. Мир рукоплещет рыжему круглолицему гению, не понимая, что истинный дар – бездна молчания и знания – так и спрятан за непереводимой толщью света, от которой человек лениво щурится в неге и роскоши последних времён.

Он трясся в утренней автобусной толкучке. Ничто не мучило его и не привязывало по-настоящему к миру живых. Он чувствовал себя вправе создать совершенную машину уничтожения. Ничто не могло остановить его – все эти мелочи с женой превратились в скучную газетную неправду. Он ехал усталый и мёртвый. Однако, по крайней мере, любивший – таков был прежде незамысловатый способ постичь суть происходящего.

«Живи вечно», – повторяет он, не испытывая ни ненависти, ни второго слова. Как дикий зверь, который не знает, и не может, и не хочет знать, что произойдёт в следующий миг, и поэтому готов ко всему; попросту не ведает, что существует где-то в непроизнесённом будущем его смерть.

4–20 июля 2018 г.